DOI: 10.25629/HC.2026.11.20
УДК: 159.922.8:316.356.2
ВАК: 5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология
5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Бабаев Кямран Мусаевич, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ORCID: 0009-0003-6501-7313, babayev_kyamran@mail.ru

Волк Марина Игоревна, кандидат психологических наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ORCID: 0000-0002-2494-5004, volk-mi@rudn.ru

ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙНО-РОЛЕВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Аннотация

Исследование посвящено типологическому анализу семейно-ролевых представлений студентов с учетом семейных установок, ролевых ожиданий и ролевых притязаний. Выборку составили 235 студентов в возрасте 17–25 лет, 85,5 % из них — девушки. Использовались методика «Измерение установок в семейной паре» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана и Е. М. Дубовской и опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой и Т. М. Трапезниковой. Шкальные показатели стандартизировали и анализировали методом k-средних; для характеристики межкластерного разделения применяли критерий Краскела–Уоллиса, а связь кластеров с романтическим опытом и полом оценивали с помощью критерия хи-квадрат и V Крамера. Для описания семейно-ролевых представлений выбрано решение с тремя профилями: ценностно-романтическим, партнерско-активным и романтически-нормативным. Наиболее заметные различия между ними касались эгалитарности роли женщины, запретности сексуальной темы, отношения к разводу, эмоционально-психотерапевтических ожиданий, супружеской совместности и романтической любви. Все перечисленные шкалы входили в кластерную модель, поэтому статистики Краскела–Уоллиса характеризуют разделение полученных групп, но не дают независимой проверки решения. Статистически значимой связи профилей с романтическим опытом не обнаружено. Связь с полом достигла значимости; при ее интерпретации необходимо учитывать выраженный гендерный дисбаланс выборки. Разные сочетания установок, ожиданий и притязаний отражают неоднородность семейно-ролевых представлений студентов. Выделенные профили нуждаются в дальнейшей проверке, в том числе для оценки возможностей их применения в психологическом просвещении.

Ключевые слова

семейно-ролевые представления, студенческая молодежь, ролевые ожидания, ролевые притязания, семейные установки, кластерный анализ, романтический опыт, партнерские отношения

Babaev K.M., RUDN University, ORCID: 0009-0003-6501-7313, babayev_kyamran@mail.ru
Volk M.I., Candidate of Psychological Sciences, RUDN University, ORCID: 0000-0002-2494-5004, volk-mi@rudn.ru

TYPOLOGY OF STUDENTS' FAMILY-ROLE REPRESENTATIONS

Abstract

This study examined students' family-role representations by jointly considering family attitudes, role expectations, and role aspirations. The sample comprised 235 students aged 17–25 years, of whom 85.5% were women. Family attitudes were assessed with the Measurement of Attitudes in a Married Couple technique by Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, and E. M. Dubovskaya, and role expectations and aspirations with the Role Expectations and Aspirations in Marriage questionnaire by A. N. Volkova and T. M. Trapeznikova. Scale scores were standardized before k-means clustering. The Kruskal–Wallis test was used to describe cluster separation, whereas associations with romantic relationship experience and sex were assessed using the chi-square test and Cramér's V. The selected three-cluster solution comprised value-romantic, partnership-active, and romantic-normative profiles. The strongest separation concerned egalitarian views of women's roles, taboo attitudes toward sexual topics, attitudes toward divorce, emotional and psychotherapeutic expectations, spousal togetherness, and romantic love. Because these variables were also used to construct the clusters, the Kruskal–Wallis statistics are treated descriptively rather than as independent validation. Romantic relationship experience was not significantly associated with profile membership. The association with sex was significant but should be considered in light of the pronounced sex imbalance in the sample. The findings indicate heterogeneity in students' family-role representations and provide directions for independent examination of the proposed profiles.

Keywords

family-role representations, student youth, role expectations, role aspirations, family attitudes, cluster analysis, romantic relationship experience, partner relationships

Введение

Студенческие годы у многих молодых людей совпадают с периодом становящейся взрослости, когда ещё продолжается формирование личной, профессиональной и партнерской идентичности. В концепции Дж. Арнетт (Arnett, 2000) этот этап связан с относительной незавершенностью социальных ролей, расширением самостоятельности и поиском возможных жизненных траекторий. В контексте будущей семейной жизни особое значение приобретают вопросы автономии и ответственности, представления о партнере, эмоциональной поддержке и распределении семейных ролей.

Романтические отношения в юношеском и раннем взрослом возрасте являются одним из контекстов, в которых формируются представления о близости и партнерстве. Их значение связано не только с выбором партнера, но и с качеством взаимодействия и осмыслением собственного опыта близости (Collins, 2003). По мере взросления отношения могут становиться устойчивее и приобретать большую эмоциональную значимость (Seiffge-Krenke, 2003). Романтические отношения рассматриваются в связи с образовательными, профессиональными и другими

жизненными планами молодых людей (Shulman & Connolly, 2013). С опытом отношений связана романтическая компетентность. Она включает понимание собственных потребностей, оценку ситуации и выбор конструктивного способа поведения с партнером (Davila et al., 2017). Ожидания стабильности, взаимной заботы и возможных конфликтов формируются не только из непосредственного опыта отношений (Smith-Etxeberria et al., 2024).

В отечественных работах о молодежи чаще обсуждаются добрачные отношения, семейные ценности и представления о браке. Так, в описании современных романтических отношений у Щукиной (2023) внимание уделено эмоциональной близости, общению и ожиданию взаимности. Добрачное сожительство как меняющуюся модель партнерства рассматривают Коблева и др. (2023). В работе Левкович (2010) особенности взаимодействия до брака связаны с последующей устойчивостью молодой семьи. При различии тем эти работы обращаются к представлениям, складывающимся в добрачный период, включая ценностные ориентации и ожидания относительно поведения будущего партнера.

Ролевые ожидания и притязания составляют отдельный компонент семейно-ролевых представлений. Их согласованность связывают с удовлетворенностью браком (Малыгина & Иванов, 2020). Ролевые ожидания также изучались в контексте межличностных отношений супругов (Ожигова & Лупенко, 2017) и добрачного взаимодействия студенческих пар (Шестаков, 2017). В этой статье ролевыми ожиданиями называются представления о функциях, которые человек ожидает от будущего партнера. Ролевые притязания, в свою очередь, отражают заявляемую готовность самому выполнять соответствующие семейные функции.

Более общий уровень образуют семейные установки: отношение к браку, детям, автономии супругов, разводу, романтической любви, сексуальной сфере, деньгам и устройству семьи. Котельникова (2018) рассматривает психологические факторы удовлетворенности браком в молодых семьях, а Пронина (2026) обращается к формированию семейных ценностей у студентов. В исследованиях становящейся взрослости отношение к романтическим отношениям связывается с ценностными предпочтениями и родительским взаимодействием (Tartakovsky, 2024). В исследовании партнерского функционирования рассматриваются его связи с субъективной эффективностью в отношениях и семейным контекстом (Jiao et al., 2024). Для настоящего исследования остается открытым вопрос о том, какие сочетания семейных установок, ожиданий от партнера и собственных притязаний встречаются у студентов одной выборки.

Деление студентов по наличию романтического опыта лишь отчасти описывает различия в их семейных представлениях. Даже при одинаковом опыте взгляды на брак, автономию супругов, сексуальность, эмоциональную поддержку и семейные обязанности могут различаться. В работе эти представления рассматриваются совместно с ожиданиями от партнера и собственными притязаниями. Типологический анализ использован для выделения групп со сходными сочетаниями этих показателей.

Цель исследования — выявить типологические особенности семейно-ролевых представлений студентов, совместно рассматривая семейные установки, ролевые ожидания и притязания. Для кластеризации объединили показатели двух методик, затем описали полученные группы и сравнили распределение романтического опыта между ними. Предполагалось, что у студентов можно выделить содержательно интерпретируемые сочетания этих показателей. Само образование групп методом k-средних не считалось подтверждением предположения. Оценивались качество разделения и возможность непротиворечивой интерпретации кластерного решения.

Новизна работы состоит в совместном типологическом анализе семейных установок, ожиданий и притязаний в студенческой выборке. По их сочетаниям можно описать неоднородность семейно-ролевых представлений. Возможное применение профилей в психологическом просвещении и добрачном консультировании зависит от того, воспроизведутся ли они на других данных. В таком случае профили можно учитывать при обсуждении взаимных ожиданий, личных границ, ответственности и распределения ролей.

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

Методы

Исследование представляет собой повторный анализ ранее собранных данных. Кластеризация в рамках кросс-секционного дизайна использовалась для поиска эмпирических профилей; их воспроизводимость предстоит проверить на других данных. Разведочный характер анализа и кросс-секционный дизайн задают пределы интерпретации: по этим данным нельзя установить причинные связи или проследить изменения семейных установок во времени.

Участниками были студенты первого–третьего курсов направления «Психология» филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Они заполняли онлайн-форму в Google Forms с социально-демографическими вопросами, вопросом о романтическом опыте и двумя психодиагностическими методиками. Романтический опыт учитывался за всю жизнь: выделялись участники, у которых когда-либо были отношения, и те, у кого их никогда не было. Два массива данных сопоставили по идентификаторам и объединили. Из объединенного массива убрали технические строки, повторные протоколы и анкеты респондентов вне возрастного диапазона 17–25 лет. После отбора в выборке осталось 235 человек (табл. 1).

Таблица 1 – Характеристика итоговой выборки

Показатель	n / M	% / SD
Итоговая выборка	235	100,0
Возраст	19,28	1,61
Девушки	201	85,5
Юноши	34	14,5
Имели опыт романтических отношений	165	70,2
Никогда не имели опыта романтических отношений	70	29,8

Примечание: M - среднее значение; SD - стандартное отклонение. Источник: составлено авторами по результатам эмпирического исследования.

Для оценки семейных установок применялась методика «Измерение установок в семейной паре» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана и Е. М. Дубовской (1987). Ее 40 суждений относятся к десяти сферам. Это отношение к людям и детям, соотношение долга и удовольствия, совместность или автономность супругов, отношение к разводу и романтической любви. Отдельно оцениваются значение сексуальной сферы, запретность сексуальной темы, патриархальное или эгалитарное устройство семьи и отношение к деньгам. Эти показатели использовались как характеристики установочного уровня брачно-семейных представлений.

Ролевые ожидания и притязания измеряли опросником «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой и Т. М. Трапезниковой (1985). Он оценивает значимость интимно-сексуальной сферы и личностной идентификации с супругом, а также ожидания и собственные притязания в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, социальной, эмоционально-психотерапевтической сферах и сфере внешней привлекательности. Благодаря раздельной оценке ожиданий и притязаний в анализ можно одновременно включить представления о функциях партнера и заявляемую готовность самого респондента участвовать в выполнении семейных функций.

Для выделения профилей использовали кластеризацию методом k-средних (MacQueen, 1967). В модель включались только шкальные показатели двух психодиагностических методик; пол, возраст и романтический опыт при формировании кластеров не использовались и

анализировались отдельно как внешние характеристики. Перед кластеризацией шкальные показатели стандартизировали, чтобы исключить влияние различий в диапазонах измерения.

Сопоставлялись решения с k=2–6. При выборе числа кластеров учитывались коэффициент силуэта, индекс Калински–Харабаса, индекс Дэвиса–Болдина и минимальная численность группы; коэффициент силуэта использовался как показатель согласованности кластерной структуры (Rousseeuw, 1987). После выбора решения различия между кластерами по отдельным шкалам описывали критерием Краскела–Уоллиса. Эти же шкалы использовались при формировании кластеров, поэтому значения H, p и ε^2 характеризуют структуру выбранного решения и не служат его независимой проверкой. По этой причине post hoc-сравнения не проводились. Связь принадлежности к кластеру с романтическим опытом и полом оценивали критерием хи-квадрат и V Крамера.

Результаты и их обсуждение

Из решений с k=2–6 максимальный коэффициент силуэта получен при k=3 — 0,111. Значение невысокое. Тем не менее трехкластерный вариант лучше других сочетал сравнительные индексы, численную сбалансированность групп и возможность содержательной интерпретации (табл. 2). Поэтому именно его использовали для дальнейшего описания как разведочное, а не окончательное решение.

Таблица 2 – Оценка вариантов кластерного решения k-средних

k	Силуэт	Калински-Харабас	Дэвис-Болдин	Минимальный n
2	0,103	28,21	2,71	92
3	0,111	26,43	2,34	36
4	0,062	21,75	2,75	37
5	0,068	19,28	2,69	24
6	0,061	17,51	2,57	19

Источник: составлено авторами по результатам эмпирического исследования.

В первый кластер вошли 36 человек (15,3%), во второй — 74 (31,5%), в третий — 125 (53,2%). Средние значения шкал по этим группам и результаты критерия Краскела–Уоллиса представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Средние значения шкал и описательные различия между кластерами

Шкала	Кл. 1 М	Кл. 2 М	Кл. 3 М	H	p	ε^2
Отношение к людям	0,51	0,21	0,52	18,97	<0,001	0,073
Долг/удовольствие	0,23	-0,03	0,15	8,86	0,012	0,030
Отношение к детям	2,13	1,31	1,86	48,00	<0,001	0,198
Совместность супругов	1,38	0,89	1,36	64,68	<0,001	0,270
Нелояльность к разводу	0,28	0,08	0,72	75,80	<0,001	0,318
Романтическая любовь	2,92	2,18	2,97	64,61	<0,001	0,270
Низкая значимость секса	-0,52	-0,27	-0,58	15,57	<0,001	0,059

Шкала	Кл. 1 М	Кл. 2 М	Кл. 3 М	H	p	ε²
Запретность секса	1,80	1,60	2,36	79,21	<0,001	0,333
Эгалитарность роли женщины	-1,48	-0,93	-1,88	92,42	<0,001	0,390
Бережливость	-0,29	-0,12	-0,37	15,45	<0,001	0,058
Интимно-сексуальная сфера	3,50	4,61	4,04	7,38	0,025	0,023
Личностная идентификация	5,50	7,11	7,02	22,71	<0,001	0,089
Хозяйственно-быт. ожидания	5,14	6,15	6,90	28,04	<0,001	0,112
Родит.-воспит. ожидания	4,89	7,07	7,39	38,92	<0,001	0,159
Соц. активность: ожидания	4,67	6,85	6,67	35,03	<0,001	0,142
Эмоц. поддержка: ожидания	6,22	8,36	8,35	73,18	<0,001	0,307
Внеш. привлекательность: ожидания	5,50	6,82	6,90	18,79	<0,001	0,072
Хозяйственно-быт. притязания	4,22	6,36	4,73	37,05	<0,001	0,151
Родит.-воспит. притязания	4,17	6,30	4,08	48,54	<0,001	0,201
Соц. активность: притязания	6,17	7,97	8,18	44,61	<0,001	0,184
Эмоц. поддержка: притязания	5,33	7,61	7,30	38,43	<0,001	0,157
Внеш. привлекательность: притязания	5,06	6,58	6,71	15,73	<0,001	0,059

Примечание: Кл. - кластер; М - среднее значение; H - критерий Краскела-Уоллиса; p - уровень статистической значимости; ε² - размер эффекта; родит.-воспит. - родительско-воспитательные; хоз.-быт. - хозяйственно-бытовые; эмоц. - эмоциональная. Значения H, p и ε² рассчитаны для шкал, по которым формировались кластеры. Они описывают различия внутри выбранного решения и не являются его независимой валидацией. Post hoc-сравнения не проводились; профили интерпретировались по групповым средним. Источник: составлено авторами по результатам эмпирического исследования.

Самые высокие значения H отмечены по эгалитарности роли женщины (H=92,42; p<0,001; ε²=0,390), запретности сексуальной темы (H=79,21; p<0,001; ε²=0,333), нелояльности к разводу (H=75,80; p<0,001; ε²=0,318), эмоционально-психотерапевтическим ожиданиям (H=73,18; p<0,001; ε²=0,307), совместности супругов (H=64,68; p<0,001; ε²=0,270) и романтической любви (H=64,61; p<0,001; ε²=0,270). Таким образом, именно эти шкалы в наибольшей степени характеризуют разделение трёх групп в полученном решении. Как указано в методах, статистики относятся к переменным, использованным при самой кластеризации, и поэтому интерпретируются описательно.

Первый кластер (n=36) обозначен как ценностно-романтический профиль с низкой ролевой конкретизацией. По сравнению с другими группами здесь выражены отношение к детям, совместность супругов и романтическая любовь, тогда как ролевые ожидания и притязания по большинству сфер имеют более низкие средние значения. Такое сочетание позволяет говорить о положительной ориентации на семью и отношения при менее конкретизированном представлении о распределении будущих семейных функций.

Во втором кластере (n=74), получившем название партнерско-активного, выше средние значения личностной идентификации с партнером, социальной активности, эмоционально-психотерапевтических ожиданий и притязаний, а также собственных хозяйственно-бытовых и родительско-воспитательных притязаний. В отличие от первого профиля, выраженные ожидания здесь сочетаются с более высокой заявляемой готовностью самому участвовать в выполнении семейных функций. Речь идёт о самоотчетных установках, а не о непосредственной оценке поведения или психологической зрелости участников.

Третий кластер является самым многочисленным (n=125) и обозначен как романтически-нормативный профиль с высокими ожиданиями от партнера. Для этой группы характерны более высокие показатели романтической любви, запретности сексуальной темы, нелояльности к разводу и совместности супругов, а также ожиданий в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной и эмоционально-психотерапевтической сферах. При этом средние собственные притязания в хозяйственно-бытовой и родительско-воспитательной сферах ниже соответствующих ожиданий. На групповом уровне это создаёт картину возможной ролевой асимметрии; установить её наличие у конкретных участников можно только через отдельный анализ индивидуальных разностей между ожиданиями и притязаниями. Характеристики всех трёх профилей обобщены в таблице 4.

Таблица 4 – Психологическая характеристика предварительных профилей

Кластер	n (%)	Условное название	Психологическая характеристика
1	36 (15,3%)	Ценностно-романтический профиль с низкой ролевой конкретизацией	Семейные и романтические ценности выражены, но конкретные ролевые ожидания и притязания снижены.
2	74 (31,5%)	Партнерско-активный профиль	Более высокие показатели социальной, эмоциональной и практической ролевой включенности по данным самоотчета; ожидания от партнера сочетаются с выраженными собственными притязаниями в нескольких семейных сферах.
3	125 (53,2%)	Романтически-нормативный профиль с высокими ожиданиями от партнера	Выраженная романтическая и нормативно-семейная направленность, высокие ожидания от партнера и более низкие собственные притязания в ряде сфер.

Источник: составлено авторами по результатам эмпирического исследования.

Связь профилей с романтическим опытом не была статистически значимой: $\chi^2(2)=4,37$; $p=0,113$; V Крамера=0,136. В первом кластере 44,4% участников никогда не имели романтических отношений. Во втором и третьем кластерах таких участников было 27,0% и 27,2% соответственно. При $p=0,113$ различия между этими долями остаются описательными и не позволяют связывать романтический опыт с принадлежностью к определенному профилю.

С полом получена другая картина: связь с распределением по кластерам оказалась статистически значимой, $\chi^2(2)=34,15$; $p<0,001$; V Крамера=0,381. Особенно выделяется третий кластер, где 122 из 125 участников (97,6%) — девушки. Однако девушки преобладают и во всей выборке, составляя 85,5%. Поэтому интерпретировать эту связь отдельно от состава выборки нельзя. Распределения по романтическому опыту и полу приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Распределение кластеров по романтическому опыту и полу

Кластер	Никогда не имели опыта, n (%)	Имели опыт, n (%)	Девушки n (%)	Юноши n (%)
1	16 (44,4%)	20 (55,6%)	23 (63,9%)	13 (36,1%)
2	20 (27,0%)	54 (73,0%)	56 (75,7%)	18 (24,3%)
3	34 (27,2%)	91 (72,8%)	122 (97,6%)	3 (2,4%)

Источник: составлено авторами по результатам эмпирического исследования.

Различия между кластерами не сводятся к тому, был у участника романтический опыт или нет. Участники различаются по тому, как сочетаются романтические и семейные установки, отношение к сексуальной сфере, ожидания от будущего партнера и собственные ролевые притязания. Поэтому содержательно важным результатом является не только выделение трёх групп, но и различный способ соединения ценностного и ролевого компонентов семейных представлений.

В первом профиле наиболее заметно различие между ценностным отношением к семье и конкретизацией будущих ролей. Положительное отношение к детям, совместности супругов и романтической любви сочетается здесь с менее высокими ролевыми ожиданиями и притязаниями. При интерпретации этого профиля следует различать общую привлекательность семейной жизни и представления о конкретных обязанностях и взаимных ожиданиях.

Во втором профиле более высокие собственные притязания в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, социальной и эмоционально-психотерапевтической сферах сочетаются с ожиданиями от партнера. По ряду показателей средние ожидания и притязания близки. Это наблюдение относится к группе в целом: для оценки согласованности у отдельного участника необходимо рассчитать разность его ожиданий и притязаний в соответствующих сферах. По имеющимся самоотчетам второй профиль можно описать как более выраженную ориентацию на совместное выполнение семейных функций.

Третий профиль сочетает романтическую и нормативно-семейную направленность с более высокими ожиданиями от партнера в нескольких практических сферах. Особенно заметно соотношение хозяйственно-бытовых и родительско-воспитательных ожиданий с более низкими собственными притязаниями. Такое сочетание позволяет поставить вопрос о возможной ролевой асимметрии. Однако по групповым средним нельзя определить, есть ли она у конкретных участников. Поэтому этот профиль представляет отдельный интерес для последующей проверки на индивидуальном уровне.

В этой выборке профили не были статистически связаны с наличием романтического опыта. Сам по себе бинарный показатель «имел / не имел отношения» не объяснил полученную структуру групп. В следующих исследованиях стоит отдельно учитывать продолжительность, качество и содержание романтического опыта, а также семейный контекст и ценностные предпочтения, которые рассматриваются в работах о молодых взрослых (Tartakovsky, 2024; Jiao et al., 2024). Связь с полом, напротив, оказалась статистически значимой, хотя выраженное преобладание девушек в выборке ограничивает интерпретацию этого результата.

Использовать типологию на практике имеет смысл только после проверки ее воспроизводимости. Если структура профилей подтвердится, она может быть полезна в программах психологического просвещения о романтических отношениях и подготовке к браку. С учетом содержания первого профиля можно подробнее обсуждать конкретные семейные роли. Во втором профиле предметом работы могли бы стать диалог и совместная ответственность. При третьем профиле внимание стоит уделить соотношению требований к партнеру и собственных ролевых притязаний.

Выводы и заключение

В исследованной студенческой выборке семейные установки, ролевые ожидания и притязания складываются в разные сочетания. Их описание основано на выбранном трехкластерном решении, в котором выделены ценностно-романтический, партнерско-активный и романтически-нормативный профили.

Частичное подтверждение исходного предположения связано с тем, что группы поддаются содержательной интерпретации, но разделены слабо: коэффициент силуэта равен 0,111. Типология остается разведочной, и рассматривать ее профили как устойчивые категории пока

нельзя. Основные различия касаются сочетаний семейно-романтических ценностей, ожиданий от партнера и заявляемой готовности самого студента выполнять семейные функции.

В каждом профиле семейные установки рассматриваются вместе с ожиданиями и притязаниями, поэтому его содержание не сводится к значению одной шкалы. Такая интерпретация относится к сочетаниям ответов в данной выборке. Она не позволяет приравнивать профили к типам личности или судить по ним о реальном семейном поведении.

Устойчивость профилей предстоит проверить на новых данных, поскольку невысокий коэффициент силуэта указывает на слабое разделение групп. Применение критерия Краскела–Уоллиса к шкалам, по которым строились кластеры, дает описание различий внутри решения, а не независимое подтверждение его валидности. Post hoc-сравнения не проводились. Перенос результатов на более широкую совокупность ограничен составом выборки: все участники учатся на одном направлении, а соотношение полов резко несбалансированно. При интерпретации ответов также необходимо учитывать возможное влияние социальной желательности, поскольку использовались самоотчетные методики.

Проверка воспроизводимости кластерной структуры потребует новых данных на более широкой выборке с лучшим балансом по полу. При таком исследовании необходимо подробнее описать романтический опыт и включить внешние показатели, не использованные при построении кластеров. На исходных данных можно дополнительно рассмотреть post hoc-сравнения с коррекцией и индивидуальные разности между ролевыми ожиданиями и притязаниями. Если профили воспроизведутся на независимых выборках, их прикладное значение можно будет оценивать в программах психологического просвещения и добрачного консультирования, посвященных семейным ожиданиям, ответственности и распределению ролей.

Библиография

Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., & Дубовская, Е. М. (1987). *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений*. Издательство Московского университета.

Волкова, А. Н., & Трапезникова, Т. М. (1985). Методические приемы диагностики супружеских отношений. *Вопросы психологии*, (5), 110–116.

Коблева, З. Х., Каратабан, И. А., Губжокова, Н. К., & Мамижева, З. Х. (2023). Добрачное сожительство в современной молодежной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (1), 22–29. https://doi.org/10.23672/SAE.2023.86.92.001

Котельникова, Ю. С. (2018). Психологические факторы удовлетворенности браком в молодых семьях. *Вопросы науки и образования*, 4(16), 60–63.

Левкович, В. П. (2010). Добрачный период взаимодействия супругов: потенциальный источник стабилизации и дестабилизации молодой семьи. *Знание. Понимание. Умение*, (1), 194–199.

Малыгина, А. П., & Иванов, Д. В. (2020). Взаимосвязь ролевых ожиданий и притязаний супругов с удовлетворенностью браком. *Бюллетень науки и практики*, *6*(12), 386–395. https://doi.org/10.33619/2414-2948/61/44

Ожигова, Л. Н., & Лупенко, Н. Н. (2017). Особенности межличностных отношений и ролевых ожиданий личности в браке. *Общество: социология, психология, педагогика*, (11), 93–97. https://doi.org/10.24158/spp.2017.11.18

Пронина, Н. А. (2026). Формирование семейных ценностей современных студентов. В *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы* (с. 157–160). Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого.

Шестаков, И. А. (2017). Особенности ролевых ожиданий и притязаний студенческих пар в добрачный период. *Студенческая наука и XXI век*, (14), 355–358.

Щукина, О. Г. (2023). Социально-психологические особенности романтических отношений современной молодежи. *Человеческий капитал*, 5(173), 241–253. https://doi.org/10.25629/HC.2023.05.25

Arnett, J. J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, *55*(5), 469–480. https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469

Collins, W. A. (2003). More than myth: The developmental significance of romantic relationships during adolescence. *Journal of Research on Adolescence*, *13*(1), 1–24. https://doi.org/10.1111/1532-7795.1301001

Davila, J., Mattanah, J. F., Bhatia, V., Latack, J. A., Feinstein, B. A., Eaton, N. R., Daks, J. S., Kumar, S. A., Lomash, E. F., McCormick, M., & Zhou, J. (2017). Romantic competence, healthy relationship functioning, and well-being in emerging adults. *Personal Relationships*, *24*(1), 162–184. https://doi.org/10.1111/pere.12175

Jiao, C., Cui, M., & Fincham, F. D. (2024). Overparenting and romantic relationships in emerging adulthood: Roles of relationship efficacy and parent–child relationship quality. *Family Relations*, *73*(5), 3015–3030. https://doi.org/10.1111/fare.13070

MacQueen, J. (1967). Some methods for classification and analysis of multivariate observations. In *Proceedings of the Fifth Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability* (Vol. 1, pp. 281–297). University of California Press.

Rousseeuw, P. J. (1987). Silhouettes: A graphical aid to the interpretation and validation of cluster analysis. *Journal of Computational and Applied Mathematics*, *20*, 53–65. https://doi.org/10.1016/0377-0427(87)90125-7

Seiffge-Krenke, I. (2003). Testing theories of romantic development from adolescence to young adulthood: Evidence of a developmental sequence. *International Journal of Behavioral Development*, *27*(6), 519–531. https://doi.org/10.1080/01650250344000145

Shulman, S., & Connolly, J. (2013). The challenge of romantic relationships in emerging adulthood: Reconceptualization of the field. *Emerging Adulthood*, *1*(1), 27–39. https://doi.org/10.1177/2167696812467330

Smith-Etxeberria, K., Unibaso-Markaida, I., Macia, P., Fernandez-Villanueva, I., & Corres-Medrano, I. (2024). Development and validation of a measure of expectations toward romantic relationships (ETRR). *Acta Psychologica*, *251*, 104603. https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104603

Tartakovsky, E. (2024). Emerging adults' attitudes toward romantic relationships: The effects of parental bonding and personal value preferences. *Emerging Adulthood*, *12*(4), 569–579. https://doi.org/10.1177/21676968241248543

Поступила в редакцию: 03.02.26 Принята к публикации: 20.10.26